Светлана Семенова

Старая Уфа

Часть вторая

Светлана Семенова

Старая Уфа. Часть вторая

«Издательские решения»

Семенова С.

Старая Уфа. Часть вторая / С. Семенова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-694736-8

В книге собраны опубликованные и неопубликованные очерки о выдающихся людях Старой Уфы XX века: Альбанов В., Носков А., Кармазин Г., Дорохов М. и др.

ISBN 978-5-00-694736-8

© Семенова С.
© Издательские решения

Содержание

ДОМ ШТУРМАНА АЛЬБАНОВА 6
ПИОНЕР ЭЛЕКТРОСВАРКИ 9
ТРИ АДРЕСА ИНЖЕНЕРА ДОРОХОВА 13
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Старая Уфа
Часть вторая

Светлана Семенова

© Светлана Семенова, 2026

ISBN 978-5-0069-4736-8 (т. 2)
ISBN 978-5-0069-3506-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДОМ ШТУРМАНА АЛЬБАНОВА

Презумпция сохранности.

В 2022 году исполнилось 140 лет со дня рождения выдающего штурмана Валериана Ивановича Альбанова (Уфа,1882—1919).

В 2019 году краеведы Уфы начали готовиться к этому юбилею, собирались его отмечать на бывшей усадьбе Альбановых на ул. Аксакова, 6. Но, вдруг узнали, что чиновники торопятся лишить усадьбу статуса исторического памятника, который они ему дали в 1990-е гг. Почему? …

Я узнала о проблеме, когда 13 октября 2019 г. ко мне обратился за помощью местный краевед Захаров Владимир Николаевич. Он просил найти доказательства, что штурман Альбанов жил именно в этом доме. Я удивилась, ведь этот факт был подтвержден еще в 1990-е годы писателем Михаилом Андреевичем Чвановым и краеведом Валентиной Зиновьевной Кузьминой. Ими была проделана огромная поисковая работа, написаны книги. Я считала, что не смогу найти больше сведений, но начала искать.

В чем была сложность поиска? При том, что никто не сомневался в правильности адреса усадебного места – Аксакова, 6, но не все верили в подлинность самого этого дома, который сейчас находится на территории усадьбы по красной линии улицы. В том смысле, что именно эти, а не другие стены видели, как протекала в 1890-х жизнь семьи Альбановых. Якобы дом мог сгореть, а на его месте построили новый…

Известно, в Уфе в 1882 году родился полярный штурман Валерьян Иванович Альбанов. Младенца родители увезли в другой город. После смерти отца девятилетним Валерьян вернулся в Уфу, чтобы стать гимназистом, провести здесь четыре учебных года, с 1891 по 1895-й. По воспоминаниям, он жил в доме родного дяди, его опекуна. Чванов и Кузьмина установили, что до 1904 года дядя жил по адресу: ул. Аксакова, 6. Сегодня там стоит деревянный одноэтажный дом, о котором идет речь. С 1990-х годов писатель М. Чванов и общественность просили правительство республики организовать в нем дом-музей штурмана В. Альбанова.

Поиск доказательств подлинности дома на Аксакова, 6 затрудняет отсутствие каких-либо изображений усадьбы, есть только фотоснимки 1950-х гг. Увы, в мире пока не изобретен достоверный метод определения возраста деревянных сооружений.

Сегодня по-разному толкуют слова ныне покойного местного краеведа Г. Ф. Гудкова, который в 1990-х гг. в спорах с М. Чвановым и краеведом В. Кузьминой выражал сомнения по поводу возраста дома. Я помню эти споры. Тогда Гудков говорил, что собранных сведений недостаточно, чтобы успокаиваться. Почему он так говорил?…

Кузьмина документально подтвердила, что период владения этой усадьбой Альбановыми начинается с 1892 года и заканчивается около 1904-го. В архивах так мало хранится старых домовладельческих документов, что краевед Кузьмина не по ее вине не смогла найти ни точную дату перехода усадьбы в руки следующего владельца, ни данных о состоянии ее построек на тот момент.

Я заметила в книге Кузьминой интересную для поиска деталь: в налоговой ведомости за 1897 г. записано, что на усадьбе имеется одноэтажный деревянный дом с пристроем бани. На современных планах этой усадьбы я обнаружила: баня пристроена к боковому фасаду жилого дома по ул. Аксакова, 6. Этот факт можно считать косвенной «уликой», как и найденный современными домохозяевами в кирпичной кладке фундамента кирпич с клеймом от 1890 г. Конечно, этот кирпич могли использовать и при возможной полной перестройке дома после 1904 года, то есть после Альбановых. Да и могли перестроить так, что от дома Альбановых ничего не осталось.

Не очень веря в успех моего поиска, я написала обращение с просьбой о помощи сохранить этот дом в десяток региональных отделений РГО (Русского географического общества) и самому его Президенту.

Достаточно быстро 19 октября 2019 г. на мой призыв откликнулся Игорь Геннадьевич Кузнецов – заместитель председателя Ямало-Ненецкого отделения РГО. Его интересовали подробности,

22 ноября я получила уведомление, что мое обращение Президенту РГО передали в Башкультнаследие – Государственное управление по охране объектов культурного наследия Республики Башкортостан.

18 декабря СМИ сообщили, что первый вице-президент РГО Артур Чилингаров и общественность обратились к правительству нашей республики с просьбой о создании в Уфе Музея имени В. Альбанова.

20 декабря я получила неутешительный ответ из Башкультнаследия: факт проживания В. Альбанова в доме по Аксакова, 6 документально не подтвержден, а также дом не имеет никаких других признаков объекта культурного наследия, поэтому ему не может быть дан охранный статус.

19 января 2020 года я создала в соцсетях «В контакте» группу «Штурман Альбанов Валерьян в Уфе», где начала размещать собранный материал.

29 января 2020 года СМИ объявили, что Музей полярников появится в Уфе в 2020 году по адресу: ул. Свердлова, 88, что находится в соседнем квартале от дома Альбановых-Аксакова, 6.

С этим большим событием я письменно поздравила писателя М. А. Чванова – главного вдохновителя и борца за его создание. За одно спросила его мнение о перипетиях с самим домом Альбановых. Михаил Андреевич ответил, что этим летом в кабинете у чиновников ему показали техпаспорт дома из БТИ (Бюро технической инвентаризации), где был указан год постройки якобы 1904-й. Это означало – дом появился после отъезда из Уфы Альбановых. Словом, В. Альбанов якобы не мог жить в ныне существующем здании на улице Аксакова, 6.

Михаил Андреевич посчитал эту запись даты постройки (1904 год) верной и очень расстроился. А меня эта новость обрадовала. Ведь я знала – даты построек в БТИ раньше записывались со слов жильцов и не подтверждались юридически значимыми документами. Понятно, в БТИ домовладельцы могут по какой-то причине назвать неверную дату постройки. Допустим, в 1904 году был произведен капитальный ремонт, а жители, вспомнив о нем через много лет, назвали его новым строительством. Ведь, если сруб дома перекатали, заменили нижние венцы, то, естественно, сделали и новую штукатурку в интерьерах, еще и бревна фасада тесом закрыли, крышу починили. Для хозяина такой ремонт воспринимается как новое строительство, тем более, если он ссуду взял в банке и страховку. А если возникла необходимость продать дом, то, понятно, выгоднее, скинуть возраст.

Как сказала уфимский краевед Татьяна Николаевна Тарасова, 1904 год – дата подозрительная для постройки, так как в этот год в Уфе началась нумерация домов, поэтому в БТИ много домов с этой датой постройки. Словом, документы БТИ нельзя считать достоверным источником.

Я взяла в руки копию одной из страниц техпаспорта БТИ дома Альбанова от 2011 года, которая и была показана чиновниками М. А. Чванову в 2019 году. Я увидела следующее: бумага представляет собой архивную справку. Она сделана сегодняшними сотрудниками БТИ. Причём, они не указали номер дела самого архивного документа. Следовательно, такая справка не может быть юридически значимым доказательством. Я опасалась, что в архиве БТИ могут храниться какие-то другие обосновывающие датировку (1904 год) документы. Мне предстояло это выяснить.

Инженер-строитель Лариса Алексеевна Михина согласилась пойти в архив БТИ. Оттуда она сообщила, что не нашла юридически значимых бумаг, подтверждающих какую-либо дату постройки, в том числе и «1904 год». Лариса Алексеевна за свой счёт сделала копии с разных архивных страниц, заплатила за вход.

Среди этих копий я нашла тот самый бланк техпаспорта от 1920-х годов, откуда и была переписана дата «1904 год» в уже названный техпаспорт от 2011 года. Также нашла список жильцов. В нем обнаружила ещё один факт – подтверждение проживания в доме на Аксакова, 6 Ильиной Зинаиды Васильевны – дочки домовладельца Кириллова. Он купил дом в 1906 году (по книге В. Кузьминой на стр. 265). Как написала В. Кузьмина, в 1980-е Зинаида Ильина дала следующие устные показания: она, ровесница века, в доме Аксакова, 6 жила с момента своего появления на свет и не помнит, и ни от кого не слышала, чтобы дом ломали, перестраивали, чтобы сгорел до тла.

31 января 2020 года все копии бумаг, их оригиналы найденные в БТИ Михиной Ларисой Алексеевной, я отправила на собрание Общественного совета при Башкульнаследии – Управление по государственной охране объектов культурного наследия Республики Башкортостан. На собрании их изучили, эмоциональные выступления приглашенных краеведов выслушали. Башкультнаследие согласилось повторно рассмотреть вопрос на предмет наличия у дома признаков объекта культурного наследия. Но поставили условие, что краеведы принесут «правильные доказательства». А само Башкультнаследие их искать не собиралось.

К сожалению, до сих пор вопрос не решён. Почему?

Датировка постройки дома на улице Аксакова, 6 остается невыясненной. Имеется два спорных предположения: или 1904 год, или до середины 19 века. По Закону, в таких случаях у объектов культурного наследия появляется презумпция сохранности (подлинности). (Презумпция – это предположение, признаваемое истинным, пока не доказано обратное)

О том, что нужно учитывать презумпцию сохранности в отношении памятников отражено в Законе об охране объектов культурного наследия ФЗ-73 Ст. 29.

Повторю, Башкультнаследие признает факт проживания в 1890-х годах гимназиста В. Альбанова на территории усадьбы по адресу: Аксакова, 6. Только сам дом не признает подлинным. Между прочим, в этом случае, усадебному участку можно присвоить один из видов статуса объекта культурного наследия, который в Законе ФЗ—73 называется «достопримечательное место».

26 мая 2021 года состоялось открытие Музея полярников им. Валериана Альбанова по адресу: ул. Свердлова, 88.

9 ноября 2022 года установили барельеф Валериану Альбанову около дома на улице Аксакова, 6.

Краеведы продолжают мечтать о музее в этом доме, а гиды показывают его туристам. Они верят, что в любой момент могут появиться доказательства его подлинности.

Если дом снесут, то это будет невосполнимая потеря для мировой истории. А экскурсоводы будут показывать гостям столицы пустое место…

Статья не опубликована

ПИОНЕР ЭЛЕКТРОСВАРКИ

Эксклюзив

Сейчас сложно представить, что широко распространенное ныне электросварочное дело в эпоху индустриализации СССР доставляло большие неприятности первым его мастерам, а порой и ломало их судьбы. К примеру, сварщики хоть и использовали средства защиты, но все равно глаза болели, как от ожога. Они тщательно соблюдали инструкции, но тем не менее невольно устраивали пожары, некачественно варили швы из-за несовершенных технологий. А соответствующие органы, видя плохую работу, торопились наказать бракоделов, объявляя врагами Советской власти.

Такую противоречивую картину рисуют архивные документы, содержащие информацию о деятельности пионера уфимской электросварки Михаила Моисеевича Дорохова (1903—1976). К сожалению, в его биографии до сих пор много «белых пятен». Понятно, что Россия оберегала приоритет первооткрывательницы электросварки, поэтому в этих вопросах долго соблюдалась секретность.

В 1929 году новшество делало первые шаги, и правительство в этом процессе помогало, издав специальное постановление о развитии сварочного дела. Для «отца русской сварки» Евгения Оскаровича Патона в Киеве создается специальная лаборатория, а в 1934 году – целый Институт Академии наук Украинской ССР. В январе 1932-го были организованы Высшие курсы подготовки инженеров сварочного производства на факультете «Электрификация и сварка» Московского электромеханического института инженеров железнодорожного транспорта имени Феликса Дзержинского. Одним из курсистов стал уроженец города Мичуринска Михаил Дорохов. К тому времени молодой человек уже был опытным электромехаником. Окончив в 1925 году трехгодичный Саратовский политехникум, он уже семь лет электрифицировал Рязано-Уральскую железную дорогу.

В 1934 году вышло второе правительственное постановление о развитии сварочного дела. А в апреле следующего года дипломника «дзержинки» направили внедрять новшество для повышения качества ремонта локомотивов на Уфимском паровозоремонтном заводе. Там по заданию правительства через три года должна была завершиться коренная реконструкция, начатая в 1930-м. Так в Уфу прибыл один из зачинателей электросварки и электрики, на заводе трудился начальником сварочного цеха.

В 1936 году на заводе начали арестовывать якобы членов троцкистского кружка. В декабре 37-го начальник сварочного цеха Дорохов был заключен под стражу. На партсобрании специалиста объявили вредителем и предъявили обвинение по следующим пунктам: «26 сентября электросварщик А. получил сильный ожог. За август-октябрь произошло пятнадцать случаев ожога глаз рабочих. С января по октябрь случилось тринадцать пожаров в цехе после сварки, ликвидированных пожарной охраной. Лопнули электросварочные швы у трех котлов. Систематический срыв плана и брак в сварочном производстве деталей».

…Руководство ПРЗ расстреляли в декабре 1937 года, жен отправили за решетку на длительный срок. В мае 1938-го состоялся открытый суд в клубе паровозоремонтного завода. Михаилу Моисеевичу поначалу не удалось доказать невиновность, он смог это сделать лишь через три месяца при заступничестве Верховной транспортной судебной коллегии. В августе 1938 года он вышел на свободу. Девять месяцев неволи и месяцы вынужденной безработицы зачли в трудовой стаж.

Коренная реконструкция Уфимского ПРЗ успешно завершилась в конце 1938 года. После этого партийное руководство перебросило Дорохова на Уфимский нефтеперерабатывающий завод, или крекинг-завод, как он тогда назывался. Здесь пионер электросварки стал

одновременно и пионером уфимской нефтехимии, проявив себя новатором на сварочно-монтажных работах нефтехимических установок.

На «Уфимнефтезаводстрой» (первое название будущего треста «Башнефтезаводстрой») с декабря 1938 до июня 1941 года неутомимый труженик числился заведующим сварочной лабораторией. По архивным сведениям, последняя должна была осуществить всю сварку на монтаже установки «Луммус» американской фирмы. На 1939—1940 годы выпало проведение основных работ. В самый разгар «шпиономании» Дорохову доверили сотрудничество с американцами!

В то же самое время в НИИ академика Евгения Оскаровича Патона велись работы по созданию скоростной автоматической сварки под флюсом. Одновременно научно-технические исследования шли на уфимском крекинге, и руководил ими Михаил Моисеевич. Сегодня подробности в доступных архивах отсутствуют. Правда, с тех пор прошли десятилетия, и данная информация, безусловно, должна избавиться от грифа секретности.

В июне 1941 года «главный сварщик» крекинга был назначен директором школы фабрично-заводского обучения №4 при тресте, готовившей сварщиков.

В январе 42-го группа Е. О. Патона впервые в мире решила сложную проблему использования автоматической сварки под флюсом для увеличения выпуска танков, авиабомб и артиллерийских орудий. Научилась варить стальную броню танка Т-34, да так, что швы оказались крепче самой брони. Во второй половине 1942 года СССР выпускал танков больше, чем фашистская Германия, где этот вид сварки так и не смогли освоить.

В марте 1942-го Дорохова вернули в сварочную лабораторию. В документах треста упоминается «сварочный агрегат САК-2». Являлся ли он секретным? Скорее всего. Затем инженер был переведен в контору №7 треста для организации сварочных работ и контроля.

Летом того же года крекинг был принят в эксплуатацию, с инженера сняли «бронь», и он надел погоны техника-лейтенанта. В августе бывший тыловик приступил к армейской службе в Московском военном округе, до конца Великой Отечественной обслуживал «Катюши». О двух небольших осколочных ранениях впоследствии напоминали щербинка на ордене Красной Звезды и шрам на ноге. Периодически давал о себе знать ревматизм ног – итог пребывания в болотистом укрытии возле реактивных минометов.

В 1952-м была образована крупнейшая в крае строительная компания – трест «Башнефтезаводстрой», где фронтовика назначили начальником СМУ-1.

В 1955-м Дорохов получил партийное взыскание за «систематическое невыполнение Госплана» на площадке химзавода, но коммунист опротестовал это решение. Через десять лет выговор сняли и дали положительную характеристику.

Возведением объектов нефтехимии в республике занимались тресты №21 (организован в 1947 году) и БНЗС. В 1958 году их функции разделили так, что трест №21 стал заниматься только промышленным строительством, а БНЗС – гражданским. Чтобы СМУ-1 продолжало начатое строительство завода «Химпром», его перевели в 21-й трест. Поскольку теперь монтажные работы стали неосновными, прежнее строительно-монтажное управление переименовали в СУ-2. Михаил Моисеевич оставался на должности до ухода на пенсию в 1963 году и до 1974-го в качестве мастера продолжал курировать промышленные стройки города. Иногда его приглашали читать лекции в школе сварщиков.

– Папа у меня из рабочей семьи, а стал настоящим интеллигентом. Он – представитель первой волны советской интеллигенции. Ему доверили строить первый Уфимский нефтеперерабатывающий завод. Какой гигант получился! – гордилась старшая дочь Дорохова учительница Ираида Михайловна.

Из наследников только она видела, как отца дважды арестовывали – в 1937-м и 1939-м. Но дочь толком не знала, по какой причине взяли отца и почему его освободили. Наблюдая, как Михаил Моисеевич, примерный семьянин, целыми днями пропадает на работе, взрослые

домочадцы догадывались о существовании какой-то «силы», которая сдерживала карьерный рост Дорохова-старшего, а также препятствовала получению наград и прав на достойное жилье.

Интеллигент из народа был хорошим собеседником, но никому так и не раскрыл все тайны своей биографии. Внук солдата и сын рабочего, приветливый сосед и скромный человек, Михаил Моисеевич Дорохов покинул этот мир на семьдесят третьем году жизни – 2 февраля, в 1976-м. Дети и внуки удивились, когда в мороз толпа провожавших в последний путь строителя и воина заполнила весь большой двор на улице Кольцевой.

Статья опубликована: газета «Вечерняя Уфа», 9 августа 2013 года.

ОН БЫЛ СКРОМНЫМ И ОТВЕТСТВЕННЫМ ТОВАРИЩЕМ.

В нашем тресте Михаил Моисеевич Дорохов проработал с 1958 г. до выхода на пенсию в 1963 году, а учитывая, что он был переведен из треста БНЗС в составе СМУ-1, то фактически его стаж работы в тресте насчитывает больше 17 лет. Бравым фронтовиком, прошедшим почти всю войну М. М. Дорохов пришел в строительную отрасль и остался верен ей до конца.

В майские дни, наполненные воспоминаниями о войне, мы предлагаем вспомнить давно ушедших из жизни, но оставшихся в памяти.

Михаил Моисеевич Дорохов родился 26 февраля 1903 г. в многодетной православной семье рабочих. Учился в Саратовском железнодорожном техникуме, затем работал электромехаником, в 1935 г. получил диплом инженера-сварочника.

С 1935 г. молодой специалист трудился на Уфимском паровозоремонтном заводе – ПРЗ.

С первых дней войны Михаил стал тружеником тыла, просился воевать, но заводскую «бронь» сняли только в августе 42-го г., нужно было для фронта в кратчайшие сроки достроить завод-крекинг.

В августе 1942 г. инженер мобилизован в 99 гвардейский минометный полк 15 Армии, 396 отд. Дивизион (Калининский фронт). До 1943 г. бывалый фронтовик служил электротехником дивизии, с апреля 1943 г. «арттехником», то есть инженером-наладчиком минометов «Катюша», с августа 1944 по август 1946 гг. – «старшим арттехником». Дорохов был награжден орденом «Красная Звезда».

Офицер Дорохов прошел с «катюшами» по дорогам Калининского фронта. После участия в Японской войне лейтенант вернулся в августе 1946 г. в поселок Крекинг.

Карьерный рост фронтовика начался с должности старшего инженера СМУ-1 треста БНЗС. В 1951 г. перевели на должность главного инженера, в 1952 г. он стал начальником СМУ-1.

В 1958 г. тресты БНЗС и трест №21 реорганизовали, после чего в последнем стало два строительных управления СУ-1 и СУ-2. М. М. Дорохова перевели на должность начальника СУ-2, в 1962 г. – заместителем начальника производственного отдела треста.

В 1963 г. вышел на пенсию, но продолжал курировать промышленные стройки города: Ново-Уфимский НПЗ, Химпром, объекты возле Аэропорта и др., иногда приглашали читать лекции в школе сварщиков.

– Дорохов хороший был мужик, честный. Дачу себе не построил, лучшую квартиру попросить постеснялся, так и жил на Кольцевой у Колхозного рынка, отпуск не брал. Только думал, как прокормить большую семью, только для семьи и жил, – вспоминает сегодня ветеран войны и труда треста №21, бывший водитель Иван Федорович Тыртышный, который возил Михаила с 1950-х гг. – Служебную машину в личных целях не использовал. Старательный человек: пока не проверит объект, пока не обойдет каждую траншею, пока не убедится, что все в порядке, домой не уйдет. Как правило, задерживался до 10 вечера.

– В конце смены набьет полный портфель текущей переписки, почты, чтобы дома доделать. Там такая кипа бумаг, что работы часа на 3—4, – добавляет ветеран треста №21, бывший мастер и начальник производственного отдела управления Эдуард Викторович Французов. – Был он честный, порядочный, трезвенник, отличался от остальных руководителей мягким характером. Строили с ним Катализаторную фабрику, 10-й блок завода №417, УНПЗ, Химпром и др.

– Мы, простые работники, в отпуск ходили, получали путевки на море, дома отдыха, а у начальства, например, у Дорохова не было времени отдыхать, слишком большая на плечах лежала ответственность, – дополняет ветеран труда треста №21 бывший главный механик Михаил Павлович Домрачев. – Наши объекты – это Ново-Уфимский НПЗ, с 58-го г. возводили и через 10 лет переделывали 1-й хлорный цех Химпрома.

В 70-х гг. ветеран войны и труда смирился со статусом пенсионера, на праздники продолжал собирать гостей, проводить время с внуками и на садовом участке с дощатой будкой.

Лейтенант запаса, многодетный отец и дедушка ушел в мир иной после тяжелой болезни в 1976 г. Несмотря на мороз, большой двор дома был заполнен людьми, которые до сих пор сохранили память о бывшем начальнике, приветливом соседе и скромном человеке.

Статья опубликована: газета «Вестник треста №21». №4. Май 2013 года.

ТРИ АДРЕСА ИНЖЕНЕРА ДОРОХОВА

На Ленина

Летом 1935 года чета Дороховых с сыном и дочкой переехала в Уфу из родного Мичуринска. Главу семьи, начинающего специалиста Михаила Моисеевича, пригласили на работу на Паровозоремонтный завод – ПРЗ. Тридцатилетний мужчина только что окончил престижный Московский электро-механический институт инженеров железнодорожного транспорта им. Ф. Э. Дзержинского.

Новоселам предоставили хорошую квартиру в доме специалистов на Ленина, 63. Не самый центр, но место для жизни удобное: рядом парк с озером, базар, клуб ПРЗ. Из Мичуринска Дороховы привезли старинный гарнитур и пуховую перину – наследство, доставшееся супруге Лидии. Её отец, купец города Козлова Тамбовской губернии Гавриил Васильевич Попов, занимался продажей солонины, кваса, квашеной капусты, и потому членов его семьи люди прозвали «солонинкиными», а женскую половину – «солонинкиными красавицами». После преждевременной смерти главы семейства в 1912 г. дело свернули, семья разорилась.

Четыре года молодая жена Михаила на свои заработки кормила детей, чтобы избранник получил диплом инженера. Наконец на уфимской земле счастливая женщина в долгожданном статусе «инженерши» преступила к обустройству новой жизни. Первым делом «солонинкина» красавица оборудовала рабочее место супруга Мишеньки: разместила у окна большой письменный двухтумбовый стол на пузатых ножках. На зелёную фетровую столешницу поставила лампу, повесила на гвоздике логарифмическую линейку. Рядом стояло высокое старинное трюмо с венским зеркалом и резным наличником и изящный ломберный столик, центр зала занимали обеденный стол и венские стулья с гнутыми ножками.

«Инженерша» Лидия на государственную службу не ходила, а на концертах в клубе железнодорожников выступала со стихами и романсами. Кроме того, выпускница Козловской гимназии была избрана председателем Уфимского женсовета.

Когда Ире исполнилось 8 лет, она поступила в балетную студию Дома пионеров (сегодня в этом здании Авиационный техникум). Часто комиссии из Ленинграда устраивали просмотр для отбора детей на местное отделение хореографического училища. Экзаменаторам понравилась ровесница Иры Гузель Сулейманова, впоследствии ставшая известной балериной и народной артисткой РСФСР. Дорохова тоже попала в поле зрения членов комиссии, но мать не захотела, чтобы дочь занималась этим видом искусства. Ей казалось, что занятия балетом раскрепощают невинную молодежь, у юных балерин слишком рано развивается чувственность, будет сложно беречь целомудрие.

В школе подвижная отроковица Ираида стремилась лидировать, одноклассники выбирали её старостой, хотя она и не была отличницей. Получив первую двойку по русскому языку, Ира рыдала:

– Откуда мне знать, что слово «корова» пишется через «о»!!!

У родителей был шутливый сговор против упрямой дочери, когда не хотела идти домой.

– Ира! Домой! – кричала с балкона Лидия Гавриловна.

Упрямица на зов не обращала внимания, продолжая играть с ребятами.

– Отец, теперь твоя очередь, – обращалась Лидия к мужу.

Мужчина выходил на балкон и начинал звать:

– Ирушка! Сладушка! Милушка! Лапушка!

Барышне было стыдно перед друзьями, поэтому быстро бежала домой.

– Папа, зачем перед всеми позоришь?! – кричала школьница.

– Ира! Бесстыдница, комса такая! Зачем папу обижаешь. Он тебя любит. Всегда мороженое покупает, – заступалась Лидия.

В 1937-м по улице Ленина пустили трамвай. Отчаянный двенадцатилетний Лёвка Дорохов катался на коньках, цепляясь крючком за трамвайный вагон. В одну «прекрасную» минуту сорванец оказался под колесами и погиб.

Вскоре арестовали супруга. На заводе ночью произошла авария, поэтому пока шло следствие, всех руководителей и инженеров держали в тюрьме. Лидию с Ирой выселили из квартиры. Они на салазках перевезли вещи в дом на углу Аксакова и Пушкина, в маленькую комнатку без окон. Друзья мужа перестали с ними общаться. Арестант до последних дней жизни не смог простить, что люди поверили обвинению в предательстве. Михаила реабилитировали через 9 месяцев во время открытого суда.

На Шверника

В конце 1938-го Дорохов с женой Лидией и двенадцатилетней дочерью переселились в шестнадцатиметровую комнату без удобств на улице имени наркома Шверника пригородного поселка Крекинг-Строй (ныне улица Юбилейная, сегодня дом используются под офисы). Нижний этаж дома занимал продуктовый магазин с пивной – «забегаловкой». Рядом стоял более комфортный дом для ИТР. Одним словом, строитель Дорохов занимал обычную коммуналку – это намного худшие условия, чем были в Уфе на Ленина. Хотя, в представлении местных жителей, дом на Юбилейной тоже был элитным – в нём жили бухгалтер, секретарь комитета комсомола и другие.

Переезд был организован партийным руководством, так как стройка нефтеперерабатывающего завода нуждалась в квалифицированных кадрах. В первое время предприятие называли крекинг-заводом, а посёлок Крекинг входил в северную часть промышленной зоны Уфы – Сталинский район. Посёлок Крекинг не имел статуса спецпоселения, но, по наблюдениям, чуть ли не каждый второй житель являлся ссыльным и политически неблагонадежным. Последним хоть и не предписывалось проживать за 101-ым километром, но одни из них устраивались в отдаленном месте по доброй воле, чтоб от греха подальше. Других «по партийному заданию» переводили на новое место работы с предоставлением жилья и без права сохранения квартиры в городе, а иждивенцы должны были следовать за кормильцем.

Предполагали, что подобная история произошла и с Дороховым: хоть суд и оправдал его в 1938-м, но власти не вернули коммунисту прежних привилегий на хорошую квартиру. О причинах можно догадываться. Вдобавок в 1939 году Михаилу доверили работу с мастерами из Англии и США. Возможно, контакт с иностранцами мешал карьере.

Первые строители крекинг-завода сначала жили в трех бараках без перегородок (примерно по 80 человек в каждом) – женском, мужском и семейном на 20 семей. В 1936 году все переехали в новые деревянные двухэтажные постройки по 10 комнат на этаже с общей кухней.

Уже к 1940 г. посёлок Крекинг представлял собой компактное поселение городского типа из добротных построек с архитектурой «сталинского классицизма». Главная улица – Шверника – шла вдоль заводского забора. От нее по улице Балтийской начинался спуск к речному Доку с пристанью (ныне не существует). На улице Зелёной стояли двухэтажные деревянные общежития, на Шверника – пять кирпичных трёх-четырёхэтажных многоквартирных дома. С балкона Дороховых на третьем этаже видны были все поселковые строения – семилетняя школа №10 и баня, детский сад и клуб, а также создающийся сад культуры и отдыха имени Пушкина (не сохранился) и панорама с лесами и полями, крутым спуском к реке Белой. Получалось, что жили буквально в лесном массиве. Идиллию портили тучи комаров, распространявших малярию, которой переболело почти всё население Крекинга.

Нервы Лидии Гавриловны были расшатаны. Усугубили состояние печальные известия о безвременной кончине единственного брата Георгия, он работал в Липецке на конном заводе, заразился от лошадей сапом и умер. Затем получили новости из Саратова об аресте сестры

Клавдии и ее мужа Понадаки Демосфена. Якобы супруги укрывали капитал, заработанный во время нэпа.

Первый сердечный приступ у Лидии случился, когда она стояла в очереди в магазине. После очередного инсульта на 33-м году жизни сердце «солонинкиной» красавицы остановилось. Лидия Дорохова умерла 30 октября 1940 года; похоронена на Ново-Ивановском кладбище Уфы. Похожее горе – потеря супруга и старшего сына – сблизило вдовца Михаила и тридцатилетнюю Евгению Фадеевну Кулигину, которая была в статусе вдовы «врага народа». Трёхлетний Павлик стал сводным братом Ираиды. В октябре 1941-го родился Слава.

После начала войны семилетняя школа №10 некоторое время работала, потом учителя и старшеклассники ушли на фронт. Здание было настолько просторным, что в нём разместили эвакуированный из Запорожья радиоламповый завод.

Евгения Фадеевна нянчила двух детишек, шила на дому солдатские шинели и на своем огородике сеяла просо, выращивала картофель. Ираиде исполнилось 14 лет, она поступила в Уфимское медицинское училище, чтобы стать медсестрой. Девочка садилась в состав с неотапливаемыми вагонами, который паровоз тянул 40 км до города. Часто будущая фельдшерица оставалась ночевать после занятий у подруги Нюры, мама которой очень жалела полусироту.

Кровных родственников в Уфе не было, после ареста Михаил поддерживал отношения не со всей мичуринской родней. Он просился воевать, но заводскую бронь сняли только в августе 1942 года. В 1944 г. боец прислал письмо семье, где сообщил о получении ордена Красной Звезды.

В 2012 году на сайте «Мемориал» в разделах «Подвиг народа» и «Боевые награды» появилась анкета и характеристика на М. М. Дорохова, воевавшего на Калининском и Первом Прибалтийском фронтах: «Гвардии техник-лейтенант Дорохов Михаил Моисеевич работает в дивизионе ГППППМП с начала его организации в должности арттехника дивизиона. Товарищ Дорохов показал себя дисциплинированным, отважным и способным офицером. Во время своей работы неоднократно под огнем противника исправлял боевые машины и мины на ОП. Во время боевых операций, при любых условиях, своевременно и аккуратно доставлял боеприпасы на ОП. 17 августа 1944 года была выведена из строя одна артчасть боевой машины. Товарищ Дорохов в течение часа исправил артчасть боевой машины, и она после исправления вела огонь. 30 августа 1944 года, несмотря на сильный огонь противника, товарищ Дорохов обеспечил доставку боеприпасов на ОП, чем способствовал отражению атаки танков и пехоты противника. За честное отношение к работе и своевременную доставку боеприпасов, быстрый и своевременный ремонт БМ на ОП под огнём противника, проявленную при этом отвагу и мужество тов. Дорохов достоин правительственной награды ордена Красная Звезда».

Без серьёзных ранений офицер Дорохов прошел по маршруту Калининского фронта (в 1943 г. переименован в Первый Прибалтийский), освобождал землю тверскую, псковскую, литовскую. Участвовал в Японской войне, а в августе 1946 г. лейтенант вернулся домой. Поселок Крекинг демобилизованный не узнал: южная и северная границы обросли большими кварталами из бараков – в течение военного времени сюда прибывали эвакуированные, а также депортированные греки, немцы, татары, украинцы, белорусы. Тем не менее после победы над Германией не всех желающих заводчан могли обеспечить жилплощадью. Поэтому каждый день до рабочих мест одни добирались из Уфы на товарняке, другие шли пешком из близлежащих старых деревень – Воробьевки, Дежневки, Лопатино, Степановки и др. Когда пустили пассажирский рейс от станции «Бензин» до Уфы, вагоны были переполнены людьми.

Судя по высокому качеству довоенной архитектуры и благоустройству улиц, нефтепереработчики собирались на улицах Крекинга обосноваться на века и жить красиво, с достоинством. Война изменила этот проект: эвакуированные предприятия создали такую мощную базу для промышленности, что решили продолжать развитие разных видов индустрии, в том числе

нефтепереработку. Химические установки требовали более просторную территорию с учетом санитарно-защитной зоны. В начале 1950-х годов часто случались аварии с взрывами и пожарами. В жилых домах лопались оконные стекла, однажды снесло крыши. Для выяснения причин приезжал Берия, с комиссией ходил по пострадавшим улицам Крекинга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.